

новится ситуация, когда недобросовестные конкуренты могут «законным» способом заполнить покупателей и клиентов.

Таким образом, можно прийти к выводу, что необходимо совершенствование законодательства, издание нормативных правовых актов в сфере информационных технологий. Фактически в современном мире доменные имена носят роль товарного знака, так как вызывают стойкую ассоциацию у покупателей с определенными предметами и услугами. Однако, исходя из законодательства и правоприменительной практики, товарные знаки имеют большую защиту, чем доменные имена. Для разрешения возникшей проблемы видится необходимым отнесение доменного имени, как и товарного знака, к объектам интеллектуальной собственности¹.

Деркач И. Г., Котельников Д. А.

Студенты

Санкт-Петербургский государственный университет

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗЪЯТИЯ ИЗ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПРИНЦИПА ОХРАНЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Одним из основных начал права интеллектуальной собственности принято считать территориальный принцип охраны интеллектуальных прав. В частноправовой науке и практике устоялось мнение о территориальном (национальном) характере субъективных прав интеллектуальной собственности, который обуславливает их привязку к конкретному правопорядку, определяющему их возникновение, содержание, осуществление и защиту. Однако господство этого принципа не является абсолютным и не исключает определенных отступлений.

Одно из самых очевидных исключений содержится в статье 1231 ГК РФ, допускающей признание Российской Федерацией исключительных прав, возникших в других юрисдикциях и, более того, применение норм международного права о содержании этих прав, их действии, ограничении, порядке осуществления, если это предусмотрено международным договором. Возрастание роли международного права связано с получившими широкое признание универсальными международными договорами о правовой охране различных видов интеллектуальных продуктов². Так, статья 5 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений³ устанавливает, что авторы произведений помимо предусмотренных законом пользуются правами, особо предоставляемыми Конвенцией. Некоторые

¹ *Софьян М. Э.* Проблема соотношения доменного имени и товарного знака // *Моя профессиональная карьера.* 2020. Т. 3. № 13. С. 125.

² *Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / под ред. А. Л. Маковского.* М. : Статут, 2008. С. 24.

³ *Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений // Бюллетень международных договоров.* 2003. № 9.

авторы в качестве исключения из принципа территориальности также рассматривают установление международными соглашениями минимальных сроков охраны интеллектуальных прав¹.

Другим достаточно распространенным на сегодняшний день изъятием из территориального принципа представляется защита интеллектуальных прав в сети Интернет. Поскольку определить территорию, на которой совершено деяние, приведшее к нарушению права, практически невозможно, его защита должна предоставляться в соответствии с законодательством того государства, в котором это право возникло и охраняется (по принципу *lex loci origins*). Другими словами, государство вправе расценивать правовые последствия действий зарубежных субъектов, не подпадающих под действие территориального принципа, как нарушение интеллектуальных прав, защищаемых на его территории. При этом Б. А. Шахназаров обращает внимание на позицию ЕСПЧ, признавшего объективный аспект принципа территориальности, предполагающий осуществление национальной юрисдикции применительно к отношениям, возникшим за рубежом, но имевшим правовые последствия на территории данного государства². Здесь же уместно вспомнить о концепции заинтересованного государства³, которая, опираясь на принцип *lex loci protectionis*, предполагает применение закона того государства, в котором заявляются требования о защите интеллектуального права, хотя и нарушенного в другой юрисдикции. Представляется разумным распространение этого принципа и на нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности в цифровой среде.

Пожалуй, наибольшее сопротивление у защитников территориального принципа вызывает тезис о применении иностранного права в отношениях по поводу интеллектуальной собственности. Как правило, обращается внимание на п. 1 ст. 1231 ГК РФ, который не допускает установление исключительных прав в соответствии с иностранным законом. Однако пункт 2 этой же статьи вовсе не запрещает заключение международного соглашения, заменяющего исключительное действие Гражданского кодекса относительно содержания, действия, ограничения, порядка осуществления и защиты исключительного права действием иностранного закона страны возникновения права. Определенную проблему составляет отсутствие в части третьей ГК РФ коллизионных норм, связанных с правом интеллектуальной собственности, за исключением содержащихся в п. 6–8 ст. 1211 ГК РФ. Хотя они не распространяются на на-

¹ Исмаилов Р. А., Нечаева Д. С. Территориальный принцип права интеллектуальной собственности на современном этапе развития интеллектуально-правовых отношений // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 3 (65). С. 88–101.

² Шахназаров Б. А. Территориальный принцип охраны интеллектуальной собственности и действие государственного суверенитета в цифровом пространстве // *Lex russica* (Русский закон). 2018. № 12. С. 132–144.

³ Луткова О. В. Специальные коллизионно-правовые принципы регулирования трансграничных авторских отношений // *Lex russica* (Русский закон). 2018. № 2. С. 129–137.

рушения интеллектуальных прав во внедоговорных отношениях, ряд исследователей призывает более активно применять их в интеллектуальных отношениях¹.

Стоит также проанализировать некоторые проблемные аспекты судебной практики, в рамках которой поднимались вопросы применения универсального принципа охраны прав интеллектуальной собственности в противовес территориальному. Несмотря на это, преобладающей позицией в данной сфере в историческом разрезе явилась идея приоритета национального права и применения принципа *lex loci protectionis*. Так, Верховный суд США еще в 1856 г. указывал, что акты Конгресса, в соответствии с которыми граждане могут получить патент на изобретение, не действуют за пределами Соединенных Штатов, а использование этого изобретения вне американской юрисдикции не нарушает права правообладателя, который не вправе требовать компенсации². Суд Европейского Союза также подчеркивал необходимость использования национального права в подобных спорах. По его мнению, нарушения прав интеллектуальной собственности должны рассматриваться в соответствии с законодательствами правопорядков, где они были совершены, а предъявление объединенных требований множеству ответчиков в разных юрисдикциях не является правомерным³. Подобные тенденции прослеживаются и в российской судебной практике современного периода. Так, Арбитражный суд Самарской области, сославшись на ст. 5 Бернской конвенции, пришел к выводу, что для иностранных авторов на территории Российской Федерации действует национальный режим охраны, то есть всем правообладателям предоставляется равная охрана их интеллектуальных прав в соответствии с российским законодательством⁴.

Вместе с тем судебная практика не раз сталкивалась с проблемами применения территориального принципа ввиду появления возможности злоупотребления правом и роста количества нарушений прав на интеллектуальную собственность, совершающихся «в рамках закона». Принятие Брюссельской конвенции по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений по гражданским и коммерческим спорам⁵ развило практику признания трансграничной защиты прав интеллектуальной собственности, инициировав возможность изменения подсудности

¹ Трофимов В. В., Лисицына А. Н. Проблема коллизионных норм, обеспечивающих сбалансированный правовой режим объектов интеллектуальной собственности в национальном и интернациональном аспектах // Вестник Тамбовского университета. Серия «Политические науки и право». 2016. № 2. С. 55–59.

² Brown v. Duchesne // U. S. Supreme Court. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/60/183/> (дата обращения: 17.03.2023).

³ Case EU-136 Roche Nederland BV e.a. (2007) // The Portal to EU Law and International Law. URL: <https://www.unalex.eu/Judgment/Judgment.aspx?FileNr=EU-136&FixLng=en> (дата обращения: 17.03.2023).

⁴ Решение по делу № А55-4990/2022 от 26.08.2022 / Арбитражный суд Самарской области // Банк решений арбитражных судов. URL: <https://ras.arbitr.ru> (дата обращения: 17.03.2023).

⁵ Брюссельская конвенция по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров (подписана 27 сентября 1968 г.) // СПС «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901925379?ysclid=lfcdkq02vc779914021> (дата обращения: 17.03.2023).

в международных спорах и позволив объединить иски требования к солидарным ответчикам (статья 22). Ее действие было распространено на государства — члены Европейского Союза и позволило наиболее эффективным образом разрешать юрисдикционные коллизии в рамках данного государственного объединения. Интересным «прецедентом» в области трансграничной защиты прав интеллектуальности собственности явилось дело «Google Inc. v. Equustek Solutions Inc.», которое было рассмотрено Верховным судом Канады¹. По мнению суда, судебный запрет может иметь трансграничное действие, в связи с чем по итогам рассмотрения дела компания «Google» была обязана удалить поисковые запросы и информацию, нарушающую права на товарный знак компании «Equustek», не только в персональной юрисдикции истца, но и в глобальном масштабе. Однако данный прецедент вызвал неоднозначную реакцию других правопорядков, апеллирующих к нарушению свободы слова и поиска информации и указывающих на отсутствие подобных полномочий у канадского суда. Вместе с тем эти размышления отразили важность разработки идей универсальной защиты прав интеллектуальной собственности и устранения подобных нарушений в глобальных масштабах. Одновременно территориальный принцип защиты прав интеллектуальной собственности приводил к различным злоупотреблениям, в частности, к «брендовому рэкету», вынудившему пересмотреть особенности применения национального законодательства. Примером может стать известное дело американской компании «Starbucks» и российского ООО «Старбакс» о регистрации средства индивидуализации производимых товаров. Американская компания смогла отстоять право на товарный знак даже в условиях его неиспользования (ст. 1484 и 1486 ГК РФ), добившись отмены регистрации знака российским юридическим лицом и защитив свои права вопреки национальному законодательству². Немаловажным препятствием в применении территориального принципа защиты на практике стало развитие глобальной сети Интернет, нарушение прав интеллектуальной собственности в которой может носить трансграничный и экстерриториальный характер. Так, Верховный суд Великобритании в 2018 г., рассматривая дело о нарушении прав на товарный знак в сети Интернет, отказал в требованиях привлечения к ответственности интернет-посредников (провайдеров услуг) и компенсации ими убытков, основываясь на законодательстве Европейского Союза и исходя из толкования общеправового смысла международных норм о регулировании предоставления информации на веб-сайтах³.

Так или иначе, процессы глобализации и интеграция правовых систем, а также развитие трансграничных способов передачи, хранения и использования информа-

¹ Google Inc. v. Equustek Solutions Inc. // Columbia Global Freedom of Expression. URL: <https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/wp-content/uploads/2015/02/Google-Inc-v-Equustek-Supreme-Court-Ruling.pdf> (дата обращения: 17.03.2023).

² Starbucks Coffee оставили американцам // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/522516> (дата обращения: 17.03.2023).

³ Cartier International AG and others v. British Telecommunications Plc and another // The Supreme Court. URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2016-0159-judgment.pdf> (дата обращения: 17.03.2023).

ции выявили возможность перехода к универсальному принципу защиты прав. В связи с этим некоторые авторы выступают за доктринальное обоснование и легальное закрепление принципов «гибкой территориальности» или «экстратерриториальности»¹, которые бы позволили судам учитывать не только место правонарушения, но и оценивать последствия, а также цель подобных деяний. Таким образом, глобализация коммерческого оборота и трансграничный характер реализации прав интеллектуальной собственности в условиях цифровизации мировой экономики вынуждают судебную практику и доктрину обратить внимание на необходимость применения норм различных правопорядков, исходя из конкретных особенностей нарушения прав интеллектуальной собственности.

Ерченков В. А.

Студент

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ГОСДАННЫЕ КАК РЕСУРС ДЛЯ СОЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВОМ И БИЗНЕСОМ НАБОРОВ ДАННЫХ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИИ ИИ

В настоящее время государства и бизнес во всем мире активно используют искусственный интеллект в различных сферах своей деятельности. Для создания качественных и эффективных систем и алгоритмов ИИ необходимы большие объемы данных. При этом государства являются крупнейшими собирателями и хранителями различных данных, например, для статистических исследований, мониторинга экономической ситуации, оценки состояния окружающей среды и других целей.

В использовании государственных данных для развития технологии ИИ есть ряд правовых аспектов, которые необходимо учитывать. В первую очередь необходимо соблюдать законодательство о защите персональных данных, чтобы избежать нарушения прав граждан на конфиденциальность. Кроме того, необходимо учитывать законодательство об авторском праве и смежных правах, чтобы не нарушать права правообладателей на использование своих данных. Также важно учитывать этические и моральные аспекты использования данных, так как некоторые данные могут быть чувствительными и требуют особого внимания в отношении их использования. В целом использование государственных данных для развития технологии ИИ должно осуществляться в рамках законодательства и с учетом прав и интересов всех сторон.

Система очистки данных и их передача являются важным этапом разработки технологии искусственного интеллекта. В России и за рубежом существуют различные практики использования систем очистки данных и их передачи.

В России системы очистки данных используются в основном в крупных компаниях и государственных организациях. Одним из примеров такой системы является проект

¹ Шугурова И. В. Территориальный принцип действия прав интеллектуальной собственности: основные тенденции развития // Современное право. 2010. № 10. С. 76–81.